

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:

исторический опыт и современное положение

МОСКВА
2014

[6] *Hołówko T.* Kwestia narodowościowa w Polsce. Warszawa, 1922. S. 36.
[7] *Chojnowski A.* Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921—1939. W-wo PAN, 1979. S. 26—30.
[8] *Karpus Z.* Emigracja rosyjska, ukraińska i białoruska w Polsce w okresie międzywojennym (1918—1939). Stan badań i postulaty badawcze // Regiony pograniczne Europy Srodkowo—Wschodniej w XVI—XX wieku. Społeczeństwo — gospodarka — polityka. Toruń, 1996. S. 97.
[9] *Chojnowski A.* Op. cit. S. 40—42.
[10] Посол Сейма — депутат.
[11] Державний архів Львівської області (далее — ДАЛО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 364. Л. 199.
[12] Там же. Л. 200.
[13] ДАВО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 403. Л. 9.
[14] ДАВО. Ф. 46. Оп. 9. Д. 749. Л. 40.
[15] ANN. MSW (Министерство внутренних дел). Sygn. 1021. S. 90.
[16] Державний архів Тернопільської області (далее — ДАТО). Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
[17] Słowo Polskie. 19. XI. 1926.
[18] Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (далее — ДАБВ). Ф. 1. Оп. 9. Д. 139. Л. 1—5.
[19] ДАЛО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 403. Л. 51—52.
[20] Там же. Л. 100.
[21] ДАВО. Ф. 46. Оп. 9. Д. 625. Л. 12.
[22] ДАБВ. Ф. 1. Оп. 9. Д. 139. Л. 6.
[23] В конце концов, этот пункт был отредактирован на заседаниях Верховного Совета 27—28 февраля 1927 г. в Варшаве.
[24] Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych za kwiecień — maj 1926 r. // ДАВО. Ф. 46. Оп. 9. Д. 626. Л. 5.
[25] ДАЛО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 403. Л. 61.
[26] Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.р—5854. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
[27] ДАТО. Ф. 309. Оп. 1. Д 1. Л. 85.
[28] Центральний державний історичний архів у Львові (далее — ЦДІА у Львові). Ф. 783. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
[29] Там же. Л. 9.
[30] AAN. MWS. Sygn. 944. S. 3.
[31] ЦДІА у Львові. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
[32] ДАБВ. Ф. 28. Оп. 9. Д. 2251. Л. 1, 3.
[33] ЦДІА у Львові. Ф. 596. Оп. 1. Д. 35. С. 1—3.

Е.Ю. БОРИСЕНОК
(МОСКВА)

Проблема русских национальных образований в политике партийного руководства УССР в 1920-е гг.

Опыт взаимоотношений между народами СССР представляет несомненный интерес для современного исследователя. Формирование многонационального государства потребовало разрешения многих проблем, обусловленных полиэтничным населением советских республик, между «коренным населением» и «национальными меньшинствами». Так, руководству Украинской ССР необходимо было решить вопрос о статусе русского населения[1]: является ли оно в республике национальным меньшинством и какие русские административно-территориальные образования могут быть созданы в связи с этим. По переписи 1926 г. на Украине проживало 29 млн человек, в том числе 23 219 тыс. украинцев (80,1 % населения), 2677 тыс. русских (9,2 %), 1574 тыс. евреев (5,4 %), 476 тыс. поляков (1,6 %), 393,9 тыс. немцев (1,3 %), 258 тыс. молдаван (0,8 %), 105 тыс. греков (0,3 %), 92 тыс. болгар (0,3 %), 76 тыс. белорусов (0,2 %) и др.[2]

Советская национальная политика предусматривала воздействие на различные стороны жизни народов — не только культурные, но и социально-экономические. Большевики учитывали сложную внутреннюю и внешнюю ситуацию, т. е. как наличие несоветских политических сил, стремившихся к сохранению независимого статуса республик, так и международное положение Страны Советов. Для большевиков особую опасность могло представлять соединение социальных чаяний населения с национальными устремлениями украинской интеллигенции при внешней поддержке, особенно со стороны Польши. Учитывая все эти факторы, большевики не только

не боролись с актуализацией национальной идентичности на этнической основе, но и своей политикой создавали условия для ее укрепления.

Как известно, советско-польскую войну завершил мир, подписанный в Риге в марте 1921 г., по которому Польша получила земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Обе стороны признавали независимость Украины и Белоруссии[3]. Специальная статья предусматривала не только невмешательство во внутренние дела другой стороны, но и отказ от поддержки организаций, «имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, либо покушающиеся на ее территориальную целость, либо подготовляющих ниспровержение ее государственного или общественного строя»[4]. Одновременно оговаривалось предоставление прав, обеспечивающих свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов русским, украинцам и белорусам, проживавшим в Польше. Со своей стороны, те же права обеспечивались полякам, проживавшим в России, Украине, Белоруссии[5].

В этой ситуации большевистское руководство стремилось обеспечить национальный облик советской власти в республиках, сделать их образцом не только социальных, но и национальных преобразований. Национальный облик советской власти в республиках был тем более важен, что 14 марта 1923 г. Совет Послов Антанты признал юридические права Польши на Восточную Галицию. Принятый на XII съезде ВКП (б) курс на коренизацию должен был создать из Украинской ССР притягательный образ для западных украинцев, утративших надежды на создание в Восточной Галиции независимого государства.

Составной частью коренизации была политика в отношении национальных меньшинств. Национальные меньшинства упоминались еще ранее, в резолюции X съезда ВКП (б). В ней отмечалось, что «РСФСР и связанные с ней независимые советские республики представляют около 140 млн. населения. Из них невеликороссов — около 65 млн». Однако «кроме названных выше наций и народностей, имеющих определённое классовое строение и занимающих определённую территорию, в пределах РСФСР существуют ещё отдельные текучие национальные группы, национальные меньшинства, вкраплённые в инонациональные компактные большинства и, в большинстве случаев, не имеющие определённых территорий (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др. нацменьшинства)». Съезд ставил перед партией задачу «по отношению к трудовым массам этих национальных групп ...помочь им полностью использовать это обеспеченное за ними право свободного развития»[6].

25 апреля 1923 г. XII съезд принял резолюцию по национальному вопросу, в которой констатировалось, что ликвидация национального гнета требует новых форм объединения в единое многонациональное советское государство. Одновременно речь шла о борьбе с «пережитками прошлого» — с великорусским шовинизмом, с фактическим неравенством национальностей и местными националистическими пережитками. Одновременно следовало обеспечивать хозяйственные и культурные нужды республики, и, кроме того, укреплять партию в национальных районах[7]. Отдельным пунктом резолюции предусматривалась защита прав национальных меньшинств. В частности, речь шла о том, чтобы «были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное и национальное население и национальные меньшинства, — законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав, и в особенности прав национальных меньшинств»[8].

В то же время принятый на XII съезде курс на коренизацию партийного и советского аппарата в республиках сопровождался постулатом об опасности шовинизма — как великорусского, так и местного. При этом на великорусский шовинизм надлежало обратить особое внимание, поскольку необходимо было учитывать особенности этносоциальной ситуации в республиках: пролетариат, особенно «наиболее культурный» его слой, был русским (по выражению Сталина — «пролетариатом бывшей державной нации»), тогда как крестьянство по преимуществу было представлено «ранее угнетенными национальностями». «Национальный вопрос, имеющий в своей основе задачи установления правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством инонациональным, — подчеркивал Сталин, — в данный момент принимает особую форму установления сотрудничества и братского сожительства тех народов, которые раньше были разобщены и которые теперь объединяются в рамках единого

государства»[9]. В этих условиях великорусский шовинизм представлял собой силу, «тормозящую дело объединения республик в единый союз»[10].

К тому же партийное руководство должно было учитывать традиционно сильные позиции русского языка и культуры в национальных республиках, в том числе и в УССР. Именно поэтому подчеркивалось, что «разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности»[11]. В этой ситуации надлежало оказывать помощь национальным языкам и культурам.

Разрешать организационные, просветительные, правовые вопросы национальных групп должны были специально созданные при высших республиканских органах власти комиссии и отделы. С апреля 1921 г. при НКВД УССР работал отдел национальных меньшинств, осуществлявший контрольно-административные функции. В сентябре 1923 г. была создана Центральная комиссия по делам национальных меньшинств при ВУЦИК, куда входили представители национальных меньшинств, проживавших на Украине. При отделе пропаганды и агитации ЦК КП(б)У работало национальное бюро.

Для реализации провозглашенного принципа равноправия наций в УССР были созданы национально-территориальные административные единицы. 29 августа 1924 г. СНК Украины принял постановление «О выделении национальных районов и Советов», подтвержденное решением 4-й сессии ВУЦИК VIII созыва «О низовом районировании» 19 февраля 1925 г[12]. Согласно принятому решению, обязательный минимум численности жителей, необходимый для создания национальных образований, был определен для национальных районов в 10 тысяч жителей, а для национальных сельсоветов — пятьсот человек.

Выделение национальных районов и сельсоветов активно велось с 1924 года. В этих национально-территориальных образованиях на языке большинства населения (т. е. немецком, польском, болгарском и т. п.) должны были работать школы, выпускаться газеты, работать органы власти. В соответствии

с принятым 1 августа 1923 г. постановлением ВУЦИК и СНК УССР «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка», языки всех национальностей на территории Украины объявлялись равноправными, хотя и указывалось, что наиболее распространенными на Украине считались украинский и русский. Однако «жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка», и формального равноправия между украинским и русским языками оказывается недостаточно. В постановлении говорилось о необходимости предпринять меры по обеспечению равноправия языков всех национальностей и обеспечению украинскому языку места, «соответствующего числу и удельному весу украинского народа на территории УССР». Учитывая «преобладающую численность населения, говорящего на украинском языке», для официального общения был выбран украинский язык, хотя для служащих оставлена была «обязательность знания русского языка» как средства общения с «наибольшим национальным меньшинством» на Украине и с народами всего Союза. В административно-территориальных единицах и городах с большинством населения, которое принадлежало к национальным меньшинствам, органы власти должны были пользоваться языком большинства населения[13].

Первыми появились немецкие национально-территориальные образования, позднее — болгарские, польские, еврейские. Отдельно стоял вопрос о русских национальных образованиях. Русские сельсоветы появились в 1925 году, однако ни русских районов, ни горсоветов пока не было. В то время считалось, что русские, будучи представителями недавно господствовавшей национальности, занимали в сфере культуры слишком прочное положение, чтобы предоставлять им дополнительную защиту как национальному меньшинству[14]. Партийное руководство понимало, что если дать право на образование национальных советов городским русским, городами с русскими горсоветами официально станут такие ключевые украинские города, как Харьков и Одесса[15].

Однако проигнорировать этот вопрос не удалось. Русские составляли до 40 % рабочего класса крупных городов Южной Украины[16]. Около 46 % русских проживали в сельской местности (в 33 из 40 округов республики[17]) и в 1926 году составляли 5,1 % крестьянства УССР. Поэтому активные меры по

украинизации, предпринятые новым главой украинских коммунистов Л.М. Кагановичем, вызывали недовольство среди русского населения УССР[18]. В отличие от Кагановича, его предшественник Э.И. Квиринг уделял украинизации мало внимания, однако сразу же после избрания Кагановича генеральным секретарем на апрельском пленуме ЦК КП(б)У 1925 года ситуация изменилась. ВУЦИК и СНК УССР опубликовали постановление «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», по которому перейти на украинское делопроизводство в государственных учреждениях и государственных торгово-промышленных предприятиях надлежало не позднее 1 января 1926 г. После пленума была создана Комиссия политбюро по украинизации, а 15 августа 1925 г. была создана Центральная всеукраинская комиссия по руководству украинизацией советского аппарата при СНК УССР во главе с В.Я. Чубарем, а на местах — губернские и окружные комиссии.

События, проходившие на Украине, привлекли внимание и оказались в центре дискуссии на Третьем съезде Советов в мае 1925 г.[19]. Инициативу проявил Юрий Ларин (псевдоним известного революционного деятеля Михаила Залмановича Лурье), член Президиума ВСНХ и Госплана. Признав, что «образование национальных советов уже начато на Украине и в Белоруссии», он заявил также, что «пока это — первые и очень слабые ласточки», что «целые города с десятками тысяч населения другой национальности, чем данная республика, не имеют в местном совете делопроизводства на их языке», что приводит «к отрыву избранных органов от трудящегося населения этих пунктов» и «извращение практической деятельности административных органов»[20]. Ларин отметил «чрезвычайную чувствительность» к участию «русских элементов в управлении и к русскому языку» в национальных и автономных республиках. Между тем, по мнению Ларина, русские, оказавшиеся национальным меньшинством в республиках, имеют право на защиту своих интересов: «... каждое национальное меньшинство любой республики, т. е. русские, поляки и евреи на Украине и в Белоруссии, русские — в Киргизии, украинцы на Кубани, украинцы в Воронежской губернии, белорусы в Гомельской губернии, — вообще каждое национальное меньшинство, населяющее какую-нибудь деревню, город или местечко, словом, какую-нибудь территориальную часть, имеет право выделиться в отдельный территориальный совет с делопроизводством на своем родном языке»[21].

К тому же негодование Ларина вызвала языковая политика некоторых местных властей. Не отрицая необходимость владения советскими и партийными работниками «языком данной республики», он считал недопустимым, когда «мерами административного преследования этот язык вбивают в рот тем гражданам, которые на нем говорить не умеют, не могут, и которые привыкли говорить на своем родном языке»[22]. Эмоциональное выступление Ларина задело украинскую делегацию. Например, Г.Ф. Гринько прямо заявил, что Ларину, поставившему вопрос «относительно того, что на Украине угнетается русское меньшинство», нужно дать отпор[23].

Бурные дебаты по данной проблеме были продолжены в апреле 1926 года на второй сессии 3-го созыва ЦИК СССР во время обсуждения доклада правительства УССР. Был затронут и вопрос о проведении национальной политики на Украине. Председатель СНК УССР В.Я. Чубарь во время своего доклада «вспомнил», что «на одном из Всесоюзных съездов советов товарищи бросали украинскому правительству и украинским органам упрек в том, что они не ведут работы по удовлетворению запросов национальных меньшинств» и привел ряд цифр: «На 1 января 1926 г. у нас было организовано национальных районов: немецких — 7; еврейских — 2; польских — 1; болгарских — 2; греческих — 2. Национальных сельсоветов, по данным на 1 июля 1925 г., организовано: русских — 89; еврейских — 20; польских — 63; белорусских — 1; немецких — 117; греческих — 27; болгарских — 28; чешских — 13 и молдаванских. Вне пределов молдавской автономной республики — 9. Эта работа не считается законченной»[24]. Присутствовавший на заседании Ю. Ларин в прениях не преминул заявить о существовании «русского вопроса на Украине»[25]. «Жалобы с Украины от поляков, евреев, немцев сократились по крайней мере на 80 %. Я имею в виду те жалобы, поток которых направлялся в редакцию “Правды” и оттуда передавался мне целый ряд жалоб, которые туда направлялись, теперь отпал»[26], — признал Ларин. Однако, по его мнению, «практика относительно русских пока порой хромает». Недовольство Ларина вызвали и методы подсчета национального состава населения ряда украинских регионов, от чего напрямую зависело то, какой язык будет

«применяться в местных советах». Внимательно просмотрев книгу, изданную украинским Наркоматом внутренних дел под заглавием «Национальный состав Советской Украины», Ларин обвинил украинские власти в «головотяпстве». Так, по словам Ларина, при подсчете населения Донбасса не были приняты во внимание русские рабочие, — на том основании, что они являются «пришлым населением», проживающим «исключительно в рудничных и фабрично-заводских поселениях», отчего их нельзя смешивать с «коренным населением губернии»[27]. Ларин заявил, что «русские на Украине — нацменьшинство, и что к ним нужно подходить, как к нацменьшинству, давая те же гарантии национальных прав и культуры, какие даются другим нацменьшинствам — немцам, полякам, евреям и т. д.»[28].

По вопросу о том, считать ли русских на Украине национальным меньшинством, высказали свое мнение и присутствовавшие на заседании украинские товарищи. Среди украинского руководства не было единого мнения по данному вопросу, хотя национальным меньшинством русские были названы уже в упоминавшемся выше постановлении от 1 августа 1923 года. Секретарь ЦК КП(б)У В.П. Затонский счел такой подход неправильным: «Я утверждаю, что это принципиально неверно, ... русские на Украине не являются нацменьшинством; да этого и не может быть, потому что русская культура слишком велика, обширна, могуча, — культура, которая создавалась веками до революции, но главным образом вся революционная культура. Для нас русский язык это — язык Ленина... Для нас русский язык не просто язык нацменьшинства, и русские на Украине не просто нацменьшинство, но большинство рабочего класса на Украине»[29]

Однако другой украинский деятель, Нарком юстиции и генеральный прокурор УССР Н.А. Скрыпник, в отличие от большинства украинской делегации, согласился, что к русским на Украине следует относиться как к нацменьшинству. «Я констатирую, что благодаря принятым украинским правительством мероприятиям мы идем к надлежащему и полному обслуживанию этого национального меньшинства в той же мере, в какой мы идем в отношении остальных национальных меньшинств, — утверждал Скрыпник. — У нас имеются районные и сельские советы с русским большинством населения, где делопроизводство и вся работа, и школы, и суд происходят на русском языке». В то же время он был категорически не согласен с Лариным в том, что на Украине существует «русский вопрос», поскольку «русский язык ни в каком отношении не является подавленным у нас на Украине». Он с негодованием отверг «намеки и заявления» Ларина, подчеркнув, что «русский язык является обязательным во всех школах, на нем ведется преподавание в большинстве высших учебных заведений, процент школ низших и средних, где преподавание ведется на русском языке, у нас значительно более высок, чем процент русского населения»[30].

Конечно, в чем-то Скрыпник был прав: действительно, в высших учебных заведениях преобладал русский язык, и среди национальных сельсоветов были и русские, хотя русских национальных районов не было. Однако Ларин не удовлетворился состоявшейся на сессии ЦИК дискуссией. В последнем номере «Большевика» за 1926 год и в первом номере за 1927 год была опубликована его статья «Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)». Ларин пытался донести до читателей мысль, что «насилие над языком трудовых масс «неизбежно вызывает рост шовинизма (выделено в тексте статьи. — *Е.Б.*) с обеих сторон», что «под прикрытием сверхусердного сверхпроведения искаженной в сторону насильственности национально-культурной политики в наши ряды и в наш аппарат вносятся, таким образом, вообще элементы разложения как объективные, так и субъективные»[31].

Выступления Ларина не прошли впустую, привлекая внимание к проблеме статуса русских на Украине. 8—11 января 1927 г. на Украине при ВУЦИК прошло Совещание представителей национальных меньшинств. Заместитель секретаря ЦИК СССР Н.И. Пахомов, докладывая в Президиум ЦИК СССР о результатах этого совещания, сделал вывод, что «национальное строительство идет, безусловно, очень быстро и в этой области, объективно надо признать, имеются большие достижения»[32]. В то же время «очень большое значение приобретает на Украине русский вопрос», не получивший «конкретного разрешения со стороны высших руководящих органов». Из 80 присутствовавших на совещании делегатов русских было только 8, «и это несмотря на то, что русские в УССР представляют весьма большую группу национального меньшинства»[33]. В дополнение к докладной записке Пахомова М.И. Калинину были направления предложения Комиссии по русскому воп-

росу. В записке подчеркивалось, что «при осуществлении украинизации в местностях с русским населением имели место отдельные случаи искажения нашей национальной политики и недочета интересов русского меньшинства: советский аппарат переходил полностью на украинский язык в сношениях со всем населением, окладные листы по сельхозналогу, страховые листы и документы Госстраха, справки и удостоверения выдавались на украинском языке, печатание всех официальных материалов в центральных и местных учреждениях на двух языках также соблюдалось не всюду, отмечен ряд случаев печатания приказов и распоряжений на одном украинском языке и т.д.»[34]. По подсчетам комиссии, «процент охвата русской национальности административно-территориальными единицами исчисляется в 30,3% всего русского населения УССР и 90% по сельской части». Комиссия предлагала «более интенсивно» выделять русские поселковые советы на Донбассе, Криворожье и Днепропетровщине; выявлять «поселения городского типа с преобладающим русским населением» и объединить «русские сельсоветы в самостоятельные районы с русскими райисполкомами», одновременно усилив обслуживание русского меньшинства «в городах со смешанным населением»[35].

Конечно, первые русские сельские советы на Украине уже были созданы, и этот процесс предполагалось продолжить. Однако статистические данные существенно разнятся. По данным Центральной административно-территориальной комиссии при ВУЦИК, на 1 октября 1925 г. насчитывалось 89 русских сельсоветов[36]. В то же время, по данным вышеупомянутой Комиссии по русскому вопросу, на 1 октября 1925 г. насчитывалось 69 русских советов[37]. В материалах, подготовленных Организационно-информационным отделом Управления делами СНК УССР ко второй сессии ЦИК 3-го созыва указывалось, что в 1926 году «предположено организовать» 90 русских сельсоветов[38]. По подсчетам Т. Мартина, в 1926 году существовало 122 русских сельсоветов[39]. Комиссия по русскому вопросу указывает, что на 1 апреля 1926 г. существовало 122 русских сельсовета, на 1 октября 1926 — 312[40]. В статье Н. Черлюнчакевича, опубликованной в № 4—5 журнала «Більшовик України» за 1926 г., речь шла о 167 русских национальных сельсоветах[41]

Выделение русских национальных районов произошло позднее, после активного обсуждения проблемы руководством

УССР. 31 января 1927 г. на заседании комиссии по украинизации свою точку зрения вновь высказал Н.А. Скрыпник. Он подчеркнул ошибочность воззрения на русский язык как язык «союзный» (с его точки зрения, это была неправильная позиция, являвшаяся «целиком продолжением старых дореволюционных отношений»). В то же время он продолжал настаивать, что «русская национальность на территории Украины является национальностью меньшинства и русский язык на территории Украины является языком нацменов», и, следовательно, нужны меры для соответствующего выделения нацрайонов[42].

Как справедливо заметил Т. Мартин, определение «национального меньшинства» Скрыпник довел до логического конца, сделав понятия «национальное большинство» и «национальное меньшинство» совершенно относительными. Выступая в 1930 г. на заседании Президиума Совета национальностей, Скрыпник заявил, что «национальным меньшинством является каждая из национальностей, населяющих наш Союз, и украинцы, и русские, и евреи, и белорусы и так далее»: «В каждой союзной республике имеются солидные национальные меньшинства, однако нацмены одной республики являются национальным большинством в своем национальном районе. В польском районе национальным большинством являются поляки; на Украине национальным большинством являются украинцы, однако в польском районе они являются национальным меньшинством...»[43].

Между тем, украинское руководство вынуждено было принять окончательное решение по вопросу о статусе русских в УССР. В опубликованной 19 апреля 1927 г. резолюции «Об итогах украинизации» политбюро ЦК КП(б)У констатировало «рост шовинистических настроений, как среди русских, так и среди украинских элементов мелкой буржуазии, пытающихся оказать влияние на рабочий класс и даже на отдельных членов партии». Основным орудием в борьбе с шовинизмом политбюро считало «дальнейшее решительное и твердое проведение украинизации, с обеспечением интересов национальных меньшинств». Однако было признано, что «к числу нацменьшинств на Украине относится также и русской население, обеспечение культурных интересов которого должно проводиться наравне с прочими нацменьшинствами». Поскольку «русский язык является языком значительной части рабочих, а

местами (и как раз в наиболее промышленных районах) большинства рабочих», за русским языком признавалось «особое значение по сравнению с языками прочих нацменьшинств на Украине», что подразумевало обязательное преподавание русского языка в школах, обязательную публикацию правительственных распоряжений как на украинском, так и на русском языке. «Однако это ни в коем случае не может служить прикрытием для попыток создать для русской культуры на Украине господствующее положение, которым она пользовалась при царизме»[44], — отмечали украинские руководители. В то же время они подчеркивали нецелесообразность выделения в отдельные административно-территориальные единицы городов, являющихся центрами районов с неукраинским населением, поскольку это может привести к разрыву культурной связи между рабочим классом и крестьянством. «Выделение городов нецелесообразно еще и потому, что динамика социального развития неминуемого ведет к их украинизации по примеру аналогичного процесса изменения национального характера города в соответствии с национальным складом большинства населения страны в Чехии, Венгрии, Латвии и других странах»[45], — говорилось в резолюции.

6 июля 1927 г. ВУЦИК и СНК УССР одобрили постановление «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры», кодифицировавшее все законодательство в этой сфере. В постановлении говорилось, что потребности национальных меньшинств на территории УССР обеспечивались путем выделения национально-территориальных единиц. В национально-территориальные административные единицы выделялись местности, в которых преобладающая часть населения не принадлежала к украинской национальности. Языки всех национальностей, проживавших на территории УССР, объявлялись равноправными. Хотя официальным языком был признан украинский, в национально-территориальных административных единицах языком официального общения считался язык преобладающей там национальности. Особо подчеркивалось, что города и поселки городского типа не выделяются в национально-территориальные единицы[46].

По данным ЦСУ УССР, к июню 1927 года на Украине было уже 287 русских национальных сельсоветов[47]. 12 июля 1927 г.

президиум ВУЦИК одобрил создание 9 русских национальных района: в Глуховском округе был создан Путивльский район, в Запорожском округе — Каменский, в Луганском округе — Сорокинский, Станично-Луганский, Петровский, в Мелитопольском округе — Терпинянский, в Харьковском округе — Алексеевский, Староверовский и Чугуевский. В 1928 году рассматривался вопрос о русских национальных районах в Полтавском и Изюмском округах, однако они так и не были образованы: в Полтавском округе русские сельсоветы были слишком удалены друг от друга, а в Изюмском предполагаемый русский район проходил бы узкой длинной полосой на стыке нескольких районов, в связи с чем его образование было также признано нецелесообразным[48].

После ликвидации округов и перехода на двухступенчатую систему управления из смежных русских сельсоветов Харьковского и Сумского округов в 1930 г. был образован еще один русский национальный район — Велико-Писаревский[49]. В дальнейшем состав русских национальных районов и их наименование не один раз претерпевали изменения. К концу 1935 года в Харьковской области было 4 русских района (Велико-Писаревский, Алексеевский, Староверовский, Чугуевский); в Донецкой — 3 (Верхне-Тепловский, Косиоровский, Сорокинский); в Днепропетровской — Камянско-Днепровский, в Черниговской — Путивльский[50].

Посчитав выделение городов в отдельные национально-территориальные единицы неправильным, украинское партийное руководство предприняло во второй половине 1920-х годов попытку изменить этнокультурный облик городского населения «административно-добровольными» методами. Усилия партийного руководства были направлены на внедрение украинской идентичности в пролетарскую среду, и, таким образом, на укрепление украинской советской культуры в городе[51]. В июне 1926 г., на Пленуме ЦК КП(б)У Н.А. Скрыпник заявил: «Темп украинизации мы должны регулировать в зависимости от того, где мы ее проводим: среди той части рабочего класса, которая складывается из пролетариев-русских, или среди той части рабочего класса, что говорит на смешанном полуукраинском языке. Партия ставит себе вопрос об украинизации полурусифицированных рабочих. Вместе с тем мы обязаны твердо сказать, что не будет проводиться никакой принудительной

украинизации в отношении русской части рабочего класса и вообще русских рабочих и крестьян. ... Города, что были до этого времени русскими, объективно придут к тому, что они станут украинскими»[52]. Скрыпник сформулировал теорию о двух типах русскоязычных рабочих на Украине: одни, украинского происхождения, подверглись частичной русификации и разговаривали на «смешанном языке», другие были «настоящими» русскими. Первым украинизация должна была помочь «вернуться» к своим корням, а вторым украинизация должна была помочь познакомиться с украинской культурой. При этом детей, говорящих, по выражению Скрыпника, на смешанном украинско-русском языке (т. е. тех, кто по национальности считался украинцем, а в качестве родного языка называл русский), нарком требовал обучать на украинском языке.

В 1927 г. в июньском номере журнала «Більшовик України» была опубликована статья наркома РКИ и главы ЦКК ЦК КП(б) У В.П. Затонского, в которой подчеркивалось, что «партия должна твердо, систематически и терпеливо пояснять рабочему классу Украины его ответственность за укрепление единства с украинским селом. Она обязана убедить его принять активное участие в украинизации»[53]. «Убеждали» рабочих путем перевода на украинский язык школ, периодических изданий и работы профсоюзов. Судя по сохранившимся в архиве «данным по обследованию национального состава рабочих и служащих Украины на май 1926 г.», украинцы предпочитали выписывать газеты и журналы на русском языке (78,9 % против 20,5 % украинских изданий), а среди русских эта цифра достигала 96,1 % (на украинском — только 3,2 %)[54]. Партийное руководство стремилось эту ситуацию изменить. В 1929 г. количество пунктов ликвидации неграмотности с украинским языком составило 7700, а с русским — 990[55]. На 1930-й год количество украинских начальных школ достигло 14430, а русских сократилось до 1504[56]. В 1931 г. удельный вес книжной продукции на украинском языке составил по названиям — 76,9 % (русских — 13,7 %), а по тиражу — 87,3 % (русских — 9,3 %)[57]. В 1933 г. из 106 журналов 83 издавались на украинском языке, 11 — русском, а часть украиноязычных газет составила 89 %[58]. Определенные усилия были предприняты для украинизации профсоюзов: прежде всего тех, что были непосредственно связаны с украинскими крестьянскими массами (в сахарной,

лесной промышленности, просветительской сфере и др.). Речь шла об изучении украинского языка работниками аппарата профсоюзов и о повышении доли среди них украинцев. Работники профсоюзов, в свою очередь, должны были приобщать к украинскому языку и культуре своих подопечных, т. е. вести культурно-просветительскую деятельность путем организации профсоюзных клубов, библиотек, чтения лекций.

Однако усилия украинизаторов отнюдь не всегда встречали понимание среди рабочих. В декабре 1931 г. агитпропотдел ЦК, изучив состояние украинизации в Донбассе, сделал вывод, что приезжавшие на заводы Донбасса украинские крестьяне вначале, как правило, говорили по-украински, но над ними начинали смеяться, и они «потом от украинского языка отказывались»[59]. В профсоюзном отчете 1931 г. отмечалось, что бывали случаи, когда рабочие отказались от украинского даже на тех заводах, где украинцы составляли большинство[60]. Оргбюро ЦК КП(б) в своей резолюции по докладу о состоянии украинизации в промышленных округах, принятой в августе 1929 г. под грифом «совершенно секретно», вынуждено было констатировать: «...в промышленных округах проведение в жизнь директив X съезда КП(б)У и ЦК КП(б)У об украинизации явно недостаточное, до сих пор носит кампанейский характер ... отношение к украинизации остается формальным. Исполнение директив ... остается на низком уровне»[61]. Особенно трудно украинизация шла в Донбассе: украинский ЦК признал, что «рудоуправления Донбасса, не применяют никаких мер в отношении претворения в жизнь директив партии и советских органов в отношении украинизации и тем самым объективно играют тормозящую роль»[62].

Тем не менее, на рубеже 1920—1930-х годов попытки украинизации городского населения Украины продолжались. Началась кампания украинизации газет почти всех крупных промышленных городов Украины. На состоявшемся в июне 1930 г. IX съезде КП(б)У глава коммунистов Украины С.В. Косиор хвастался тем, что недавно были украинизированы все газеты Кривого Рога, Зиновьевска, Кременчуга, Одессы и Харькова. К концу 1930 г. единственным большим украинским городом с ежедневной газетой на русском языке оставалось Сталино, а его комсомольская газета уже была украинизирована[63]. Однако борьба с украинским национализмом, развернувшаяся после

известного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в западных областях», внесла коррективы в планы украинского руководства. Н.А. Скрыпнику были предъявлены обвинения в националистическом уклоне. 23 февраля 1933 г. он был снят с должности наркома просвещения, что послужило началом «антискрыпниковской» кампании. В журнале «Більшовик України» появилась статья В.П. Затонского, в которой, с одной стороны, подчеркивалась необходимость дальнейшего проведения украинизации и разворачивания национальной политики. С другой стороны, была не только раскритикована теория Скрыпника о «смешанном говоре», но и было признано, что имела место принудительная украинизация, в частности, «обеспеченность русского нацменьшинства школой составляло 40—50—60 %»[64]. Такое игнорирование потребностей русского населения было признано ошибкой.

Если во второй половине 1920-х годов ЦК КП(б)У в принудительном порядке создавал для национальных меньшинств УССР школы с преподаванием на родном языке и с гордостью рапортовал об этом на партийных форумах, то в середине 1930-х гг. партийные начальники были озабочены случаями «принуждения украинского и русского населения посылать своих детей в польские, чешские и другие национальные школы»[65]. Основным лейтмотивом многочисленных выступлений партийных деятелей в печати стал тезис о «принудительной украинизации», приведшей к насильственному вытеснению русского языка из школьного образования. Подобные «искажения ленинской национальной политики» приводили к национальной замкнутости как украинцев, так и представителей других национальных меньшинств в УССР и создавали благоприятные условия для деятельности как украинских, так и немецких, польских и прочих националистов. Стоит согласиться с выводом Т. Мартина, что тотальной украинизации языковой сферы так и не удалось добиться, и украинизация пролетариата развивалась в направлении создания двуязычной территориальной украинской идентичности, открытой как для этнических украинцев, так и для русских[66].

Как писал «Комуніст» 25 марта 1933 г., механическое проведение украинизации привело к уменьшению числа русских школ в Харькове на 55 %, а в Одессе лишь 40 % русских детей

обучались на русском языке[67]. Весной 1933 г. политбюро ЦК КП(б)У поддержало предложение Наркомпроса УССР «провести перепись детей по признаку родного языка» в рабочих центрах и некоторых городах Харьковской, Донецкой, Винницкой, Черниговской, Киевской, Днепропетровской, Одесской областях[68]. Через несколько месяцев, в августе 1933 г., политбюро ЦК КП(б)У обязало Наркомпрос подготовить материалы о перераспределении «школьной сети в национальном разрезе»[69]. В апреле 1934 г. оргбюро ЦК КП(б)У создало специальные комиссии из представителей партийных и комсомольских организаций, Наркомпроса и органов госбезопасности, которые должны были к 1 июня проверить национальные районы и школы и очистить их от «антисоветских элементов». Подготовительная работа в этом направлении уже была проведена, и в период с марта 1933 по январь 1934 гг. из школ были уволены около 4 тысяч учителей, причем «чистка» коснулась в первую очередь польских и немецких учебных заведений[70].

Одновременно была проведена реорганизация ряда национальных районов, созданных в 1920-е гг. В ноябре 1934 г. политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление, в котором речь шла о «реорганизации 18 польских сельсоветов в украинские» в Винницкой области[71]. В августе 1935 г. были ликвидированы Мархлевский польский и Пулинский немецкий национальные районы, в марте 1939 г. постановлением ЦК КП(б)У национальные районы и сельсоветы ликвидировались в Запорожской, Николаевской, Одесской, Сталинской областях (несколько немецких, болгарский и греческий)[72].

Произошли изменения и в положении русских. В середине 1930-х годов лозунг об опасности с двух сторон — со стороны великодержавного шовинизма и местного национализма — потерял свое значение. На XVII съезде ВКП(б) в январе-феврале 1934 года, И.В. Сталин подчеркнул, что на Украине стал главной опасностью уклон к украинскому национализму[73]. Чуть позже, в 1936 году, русский народ был назван «первым среди равных»[74], и его не позволительно стало называть «нацией Обломовых».

Таким образом, русские национальные территориальные образования в УССР были образованы позднее остальных, что объяснялось стремлением партийного руководства укрепить позиции украинского языка и культуры в республике. Сильные

позиции русского языка и культуры и большая численность русского населения на Украине заставляли республиканское партийное руководство проводить протекционистскую политику в отношении украинцев. Поддержка национальной культуры, с одной стороны, и борьба с великорусским шовинизмом, с другой, существенно затрудняли определение статуса русского населения на Украине. Тем не менее, учитывая большую численность русского населения, особенно в крупных городах, и сильные позиции русского языка и культуры, проигнорировать этот вопрос было невозможно. Украинские лидеры признали русских национальным меньшинством и начали выделение русских национально-территориальных единиц (сначала сельсоветов, а затем и районов). Однако городов такое выделение не коснулось. Напротив, партийное руководство УССР стремилось изменить русский облик крупных городов путем внедрения украинского языка в общественную жизнь. При этом украинские руководители склонны были торопиться (по выражению Ю. Шевелева, «не хотели ждать ни минуты»): они хотели видеть индустриальные центры Украины украинскими еще до начала массовой миграции крестьян в города в процессе индустриализации, чтобы новоприбывшие не оказались в русскоязычном окружении[75]. Однако кардинально изменить облик города украинскому руководству не удалось, что объяснялось как изначально сильными позициями русской культуры, так и развернувшейся борьбой с украинским национализмом. В результате русские, хотя и не были представителями «коренной национальности», тем не менее продолжали играть важную роль в общественной жизни Украинской ССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Несмотря на то, что политике в отношении национальных меньшинств в УССР сейчас уделяется много внимания, проблема русского меньшинства в 1920-1930-е годы остается менее исследованной. См. *Васильчук Г.М.* Історія національних меншин Радянської України 1920-х — 1930-х років: історіографічні нотатки // Вісник Запорізького юридичного іднституту Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ. 2009. № 2. С. 213—223.

[2] *Рафальський О.О.* Національні меншини України у XX столітті: історіографічний нарис. Київ, 2000. С. 128. В.М. Кабузан считал, что в 1926 году украинцы составляли почти 75% всех жителей Украины (*Кабузан В.М.* Украинцы в мире. Динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII в. — 1989 год. М., 2006. С. 317).

[3] Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920—18 марта 1921 г. М., 1959. С. 619.

[4] Там же. С. 622—623.

[5] Там же. С. 625—626.

[6] Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 606.

[7] Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 691—697.

[8] Там же. С. 696.

[9] *Сталин И.В.* Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) // *Сталин И.В.* Соч. в 13-ти тт. М., 1947—1951. Т. 5. М., 1947. С. 241.

[10] Там же. С. 244.

[11] Двенадцатый съезд РКП(б). С. 693—694.

[12] Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України (ЗУ України) 1925. № 6—7. Арт. 99.

[13] Про заходи забезпечення рівноправності мов і про допомогу розвиткові української мови. Постанова ВУЦВК і РНК УССР від 1 серпня 1923 р. // Культурне будівництво в Українській РСР: важливіші рішення Комуністичної партії і радянського уряду. 1917—1959. Зб. док. В 2-х тт. Т. 1 (1917—1941). Київ, 1959. С. 242—247.

[14] Слова Затонского цит. по: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923—1939. М., 2011. С. 59.

[15] Там же.

[16] *Якубова Л.* Повсякденне життя етнічних меншин Радянської України у міжвоєнну добу. Київ, 2011. С. 71.

[17] Там же. С. 72.

[18] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Русские об Украине и украинизации 1910—1930-х годов // Русские об Украине и украинцах. СПб, 2012. С. 362—414.

[19] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Пять портретов товарища Рыкова // Родина. 2012 № 7. С. 124—129.

[20] Третий съезд Советов СССР. Стенографический отчет. М., 1925. С. 275.

[21] Там же.

[22] Там же. С. 277.

[23] Там же. С. 292.

[24] Вторая сессия ЦИК СССР Третьего созыва. Стенографический отчет. М., 1926. С. 401.

[25] Там же. С. 458.
[26] Там же. С. 460.
[27] Там же. С. 464—465.
[28] Там же. С. 467.
[29] Там же. С. 517.
[30] Там же. С. 534.
[31] *Ларин Ю.* Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 196. № 23—24. С. 50.
[32] ЦК РКП(б)—ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918—1933 гг. М., 2005. С. 464.
[33] Там же.
[34] Там же. С. 465.
[35] Там же.
[36] Адміністріяльний поділ УСРР при 3-х ступневій системі врядування (за даними на 1 жовтня 1925 року). Харків, 1925. С. 87—89.
[37] ЦК РКП(б)—ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 465.
[38] Материалы к докладу правительства Украины на второй сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР третьего созыва. Харьков, 1926. С. 193.
[39] *Мартин Т.* Указ. соч. С. 60.
[40] ЦК РКП(б)—ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 465.
[41] *Черлюнчакевич Н.* Національні меншості на Україні // Більшовик України. 1926. № 4—5. С. 109.
[42] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2456. Л. 8.
[43] *Мартин Т.* Указ. соч. С. 69—70.
[44] Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українізації // Вісті ВУЦВК. 1927 р., 19 квітня.
[45] Там же.
[46] Про забезпечення рівноправності мов та про сприяння розвитку української культури // Хронологічне зібрання законів, указів Президії Верховної Ради, постанов і розпоряджень уряду Української РСР. Т. 1. 1917—1941. Київ, 1963. С. 319.
[47] Україна в цифрах. 1927. Харків, 1927. С. 4. К какому месяцу 1927 года относятся эти цифры, не указано, однако предисловие датировано 22 июня 1927 г.
[48] *Єфіменко В.* Створення російських національних районів УСРР // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірникнаукових праць. Вип. 21. Київ, 2012. С. 89—91.
[49] Там же. С. 91—95.
[50] Довідник адмінтерподілу УСРР за станом на 15 грудня 1935 р. Київ, 1936. С. 210.

[51] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Проблема украинизации пролетариата в национальной политике 1920-х годов // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2012. М., 2012. С. 153—166.
[52] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 143 об.
[53] *Затонський В.* Матеріяли до українського національного питання // Більшовик України. 1927. № 6. С. 16.
[54] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2249. Л. 35.
[55] Про стан та перспективи культурного будівництва. Постанова XI Всеукраїнського з'їзду Рад робітничих, селянських і червоноармійських депутатів від 15 травня 1929 р. // Культурне будівництво в Українській РСР. Т. 1. С. 450.
[56] *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900—1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 95.
[57] *Агуф М.* Преса УСРР. До XV роковин Жотвня. Партвидав «Пролетар», 1932. С. 81.
[58] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932—1938). Київ, 2001. С. 254.
[59] *Мартин Т.* Указ. соч. С. 147—148.
[60] Там же.
[61] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 109.
[62] Там же. Л. 110.
[63] *Мартин Т.* Указ. соч. С. 153.
[64] *Затонський В.П.* З питань національної політики на Україні // Більшовик України. 1933. № 9—10. С. 111.
[65] Довідка наркомату освіти України про національні школи в Україні. Березень 1938 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 253.
[66] *Мартин Т.* Указ. соч. С. 149—150.
[67] «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 211.
[68] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 56.
[69] Там же. Д. 71. Л. 93.
[70] Подробнее см. *Рафальський О.О.* Указ. соч. С. 161—166; *Єфіменко Г.Г.* Указ. соч. С. 154—155.
[71] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4674. Л. 54.
[72] Постанова ЦК КП(б)У про ліквідацію та реорганізацію національних районів і сільрад. 5 березня 1939 р. // Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Документи і матеріали. Довідник. В 2-х ч. Київ, 1997. Ч. 2. С. 260.
[73] РГАСПИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 1. Л. 88.
[74] Правда. 1 февраля 1936 г.
[75] *Шевельов Ю.* Указ. соч. С. 97—98.

д.и.н. *Константин Владимирович Никифоров* — директор Исл РАН

д.и.н. *Альбина Федоровна Носкова* — в.н.с. Исл РАН

кандидат наук *Гелена Носкова* — научный сотрудник Института современной истории Академии наук Чешской республики (Прага, Чешская республики)

к.и.н. *Пенка Пейковска* — научный сотрудник Института исторических исследований БАН (София, Болгария)

к.и.н. *Надежда Сергеевна Пилько* — с.н.с. Исл РАН

к.и.н. *Татьяна Андреевна Покивайлова* — с.н.с. Исл РАН

доктор наук (Dr.Sc) *Ян Рихлик* — профессор Карлова университета, научный сотрудник Института Т.Г. Масарика (Прага, Чешская республика)

к.и.н. *Ирина Михайловна Руднева* — н.с. Исл РАН

д.и.н. *Елена Павловна Серапионова* — зав. отделом Исл РАН

д.и.н. *Николай Николаевич Станков* — проф. Волгоградского государственного университета

к.и.н. *Александр Сергеевич Стыкалин* — в.н.с. Исл РАН

к.и.н. *Сергей Ткачев* — главный редактор издательства «Ранок» (Тернополь, Украина)

Александр Владимирович Фадеев — зав. отд. Института стран СНГ

доктор философии (PhD) *Чилла Фединец* — научный сотрудник Института национальных меньшинств Центра общественных наук Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия).

СОДЕРЖАНИЕ